

Максим Козлов

Санитарная зона



Максим Козлов
Санитарная зона

«Автор»

2026

Козлов М.

Санитарная зона / М. Козлов — «Автор», 2026

В королевстве, где раз в пять лет проводится Санитарный день, всех «неправильных» — больных, бедных, инакомыслящих, просто неудобных — ссылают за стену, в Санитарную зону. Главный герой, чиновник Мартин Линд, двадцать лет подписывает приказы о высылке, искренне веря, что служит чистоте и порядку. Но однажды в списки попадает его младшая сестра — и он не решается её спасти, боясь за собственную судьбу. Через год, мучимый совестью, Мартин тайно проникает в Зону, ожидая увидеть ад. Вместо этого он находит цветущий город: школа, больница, библиотека, электрический свет — и люди, построившие общество без страха и угнетения. Потрясённый, он начинает тайно помогать изгнанникам, но его разоблачают. Приговор — ссылка в ту самую Зону, которую он помогал создавать. «Санитарная зона» — аллегория тоталитаризма. Это история о банальности зла и природе цензуры, о выборе между долгом и совестью, о том, что даже изгнанные способны построить мир справедливее того, что их отверг.

© Козлов М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

День, когда город становится чистым	5
Дорога, которая ведёт только в одну сторону	11
Камень, который всё летит	17
То, что скрывает стена	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Максим Козлов

Санитарная зона

День, когда город становится чистым

Утро началось с колокола. Он бил размеренно, глухо, будто сердце огромного зверя, запертого в каменной клетке ратуши. Мартин проснулся за минуту до первого удара — он всегда просыпался раньше колокола в Санитарный день. Двадцать лет подряд. Двадцать Санитарных дней. Двадцать списков.

Жена еще спала. Её светлые волосы разметались по подушке, дыхание было ровным и спокойным. Она не боялась Санитарного дня. Ей нечего было бояться — она была дочерью советника, женой главного архивариуса Санитарной комиссии, матерью двух здоровых детей. Её место в королевстве было таким же прочным, как стены их дома, выстроенного из серого горного камня.

Мартин натянул мундир. Серый, с серебряным кантом, с нашивкой в виде скрещенных перьев — символ его должности. Перья были тупыми, не то что у писцов пониже рангом. У тех перья были острыми. Это означало, что они ещё пишут. А он уже подписывает.

На кухне он выпил стакан воды. Есть не хотелось. В Санитарный день есть начинало хотеться только к вечеру, когда всё заканчивалось, когда списки были зачитаны, когда двери Санитарной зоны закрывались за последней партией, и город выдыхал.

Он вышел на улицу. Мостовая была влажной — ночью прошёл дождь, мелкий, как пыль. Солнце ещё не поднялось над шпилем Собора Чистоты, но небо уже светлело, становилось серым, потом розовым по краям. Город просыпался. Но не так, как в обычные дни. В Санитарный день люди просыпались по-другому. Осторожнее. Тише. Как будто каждый прислушивался: не за моей ли дверью шаги?

Мартин шёл по улице Красных Фонарей. Фонари ещё горели, хотя рассвет уже вступал в свои права. Фонарщик не пошёл их гасить — в Санитарный день всё шло не по распорядку. Фонарщик, наверное, сидел дома и молился, чтобы его имя не оказалось в списке. Хотя какое имя? Фонарщик был чист. Он был потомственным фонарщиком, его отец был фонарщиком, его дед зажигал первые масляные лампы ещё при старом короле, отце нынешнего. У него было трое сыновей, и все трое служили в городской страже. Таких, как фонарщик, не ссылали.

У входа в Комиссию стояли стражники. Четыре человека в чёрных кирасах, с алебардами, древки которых были обмотаны белой кожей — знаком чистоты. Они узнали Мартина, расступились. Один, совсем молодой, с прыщавым лицом и редкой бородкой, отдал честь. Мартин кивнул.

Внутри пахло бумагой и воском. Всегда пахло бумагой и воском, но в Санитарный день запах становился гуще, тяжелее, как будто сам воздух пропитывался важностью момента. Коридор был длинным, с высокими сводами, с портретами прежних королей на стенах. Они смотрели со стен сурово и одобрительно. Они знали, что Санитарный день — это то, что сохраняет королевство.

Мартин поднялся на второй этаж. Его кабинет был угловым, с окном на площадь. Из окна была видна трибуна, которую уже собирали рабочие — сколачивали доски, натягивали белое полотно с гербом королевства: чаша, из которой выливалась вода. Чистота. Очищение.

Он сел за стол. Перед ним лежала кожаная папка. Он знал её на ощупь — эту папку приносили за день до Санитарного дня каждый раз. В ней были списки. Окончательные списки.

Он открыл папку. Первый лист был титульным. «СПИСОК ЛИЦ, ПОДЛЕЖАЩИХ ПЕРЕВОДУ В САНИТАРНУЮ ЗОНУ В ДЕНЬ ОЧИЩЕНИЯ 847 ГОДА ОТ ОСНОВАНИЯ КОРОЛЕВСТВА». Дальше шли имена.

Мартин пробежал глазами по первым строчкам. Стандартный набор. Семьи ткачей с Восточного квартала — у них нашли долги перед короной, они три года не платили налог на чистоту. Двое братьев-медников — младший был замечен в подозрительных разговорах с торговцем из-за Восточных гор, а старший просто был его братом, этого хватало. Старуха, которая держала приют для бездомных кошек — кошки разносили заразу, комиссия постановила, что она представляет биологическую угрозу. Поэт, который написал стихи о том, что небо серое. Небо не может быть серым, небо всегда голубое над королевством, таков был официальный ответ на его стихи. Поэта предупредили, он не исправился. В список.

Рука Мартина не дрожала. Он подписывал эти списки двадцать лет. Он знал каждое имя в городе — так ему казалось. Он знал, что старуха с кошками была безобидной, что поэт не имел в виду ничего плохого, просто небо действительно иногда бывает серым, особенно в сезон дождей. Но в списке были не люди. В списке были нарушения стандарта. А стандарт был выше всего.

Он подписывал лист за листом. Перо скрипело. Этот скрип был единственным звуком в кабинете. Стражники за дверью не разговаривали. На площади рабочие перестали стучать молотками — трибуна была готова. Тишина становилась всё гуще.

На седьмом листе он остановился.

Это была секция «С». «С» означало «семейные дела». Сюда попадали те, кто нарушил правила крови, правила брака, правила наследования. Это была самая сложная секция. Здесь были не бродяги и не должники. Здесь были люди, которые просто выбрали не тех, кого нужно.

Он читал имена. Семья Ройтеров — их дочь отказалась выйти замуж за назначенного жениха. Семья целиком. Отец, мать, трое детей. Отказ дочери означал, что семья не смогла правильно воспитать её. Семья признавалась не соответствующей стандарту.

Потом он увидел имя.

Клара.

Он прочитал его дважды. Сначала просто глазами, даже не осознав. Потом прочитал по буквам. К. Л. А. Р. А. Клара Линд. Сестра.

Он отодвинул лист от себя, как будто он мог обжечь. Потом снова придвинул. Перечитал. Всё было верно. Имя, фамилия, адрес — дом на улице Мельников, тот самый дом, где они выросли, где она жила после смерти родителей, где он сам жил до того, как женился и переехал в каменный дом у ратуши.

Причина: «Отказ от брака с назначенным лицом. Связь с лицом нестандартной крови».

У Мартина пересохло во рту. Он знал, о ком речь. Эрвин. Парень с западной окраины, сын кожевника. Его мать была из-за Восточных гор — не из королевства. Отец привёз её сюда двадцать лет назад, когда ещё были возможны такие вещи. Она умерла через пять лет, но кровь осталась. Кровь не исчезает. Нестандартная кровь. Нечистая.

Клара знала об этом. Знала и всё равно пошла против воли семьи. Родители перед смертью выбрали ей жениха — писаря из Налоговой палаты, человека с хорошей родословной, чистого на четыре поколения назад. Она отказалась. Родители умерли — сначала отец, через полгода мать, — и она посчитала себя свободной от обязательств. Она ошиблась.

Мартин сидел и смотрел на её имя. Её имя, написанное чёрными чернилами на гербовой бумаге. Её имя в списке. Её имя, которое он должен подписать.

В дверь постучали.

— Войдите, — сказал он. Голос прозвучал глухо.

Вошёл секретарь. Молодой человек с тонкой шеей и кадыком, который дёргался, когда он говорил. Он принёс ещё бумаги — сопроводительные документы, уведомления, расписки.

— Господин Линд, — сказал секретарь, — председатель спрашивает, будут ли списки готовы к девяти.

— Будут, — сказал Мартин.

Секретарь замялся. Его кадык дёрнулся.

— Господин Линд, там в секции «С» Ваша

— Я видел, — сказал Мартин. — Идите.

Секретарь вышел. Дверь закрылась мягко, почти беззвучно.

Мартин остался один. Он снова посмотрел на имя. Клара. Клара, которая в детстве приносила ему яблоки из сада, когда он болел. Клара, которая научила его читать, когда ему было четыре, а ей шесть. Клара, которая пела ему песни их матери, когда он не мог уснуть. Клара, которая плакала на его свадьбе — не от радости, а от того, что он уходит из дома, и теперь её очередь заботиться о родителях в одиночку.

Он мог вычеркнуть её имя. Технически он имел на это право — главный архивариус мог вносить правки в списки до девяти утра Санитарного дня. Раньше он никогда этого не делал, но право у него было. Он мог просто взять перо, провести черту через имя «Клара Линд» и написать сверху «Ошибка комиссии». И всё. Она осталась бы дома. Никто бы не узнал, комиссия не перепроверяла правки главного архивариуса. На то он и главный архивариус.

Но был нюанс.

Секретарь уже знал. Возможно, знал и председатель. Если он вычеркнет Клару — это заметят. Это доложат. Его спросят: «Почему вы вычеркнули имя вашей сестры, господин Линд?» И что он ответит? Что она его сестра? Этого недостаточно. Родственные связи не освобождают от стандарта. Наоборот — родственные связи накладывают дополнительную ответственность. Если сестра главного архивариуса Санитарной комиссии нарушает стандарт — это позор, это пятно на всей семье. И если он, главный архивариус, попытается покрыть её — это сделает его соучастником её нечистоты. А соучастников ссылают.

Он вспомнил случай десятилетней давности. Советник Кройц, третье лицо в королевстве. Его сын был замечен в связях с запрещённым торговцем. Советник попытался замять дело. Через неделю вся семья Кройц — советник, его жена, трое детей, включая младенца, — отправилась в Санитарную зону. Король лично подписал приказ. Мартин помнил этот приказ, он сам его оформлял. «Никто не стоит выше стандарта» — было написано в приказе. Эту фразу потом выбили на камне у ворот Комиссии.

Если он вычеркнет Клару — его семья окажется под угрозой. Жена, дети, он сам. Ради одного человека он погубит четверых. Математика не сходилась.

Он снова посмотрел на имя. Почерк писца был ровным, буквы стояли прямо, как солдаты в строю. К. Л. А. Р. А. Пять букв. Пять букв, которые означают жизнь — или смерть, или то, что между ними, жизнь в Санитарной зоне, которая хуже смерти? Никто не знал. Из Зоны не возвращались. Из Зоны не приходило вестей. Только раз в месяц ворота приоткрывались, и внутрь сбрасывали еду — мешки с зерном, бочки с водой, иногда лекарства. Никто не знал, что там происходит. Никто не хотел знать.

Колокол пробил восемь. Оставался час.

Мартин взял перо. Обмакнул в чернила. Рука не дрожала. Двадцать лет практики — рука не могла дрожать.

Он подписал.

Потом закрыл папку, отодвинул её на край стола и встал. Подошёл к окну. На площади уже собиралась толпа. Люди стояли молча, ждали. Стражники выстроились вдоль трибуны. Глашатай проверял громкость своего рупора — слышно было, как он кашляет в него, и этот кашель разносился эхом по всей площади.

Мартин смотрел на толпу и думал о Кларе. Где она сейчас? Спит? Или не спит, зная, что сегодня Санитарный день? Знает ли она, что её имя в списке? Должна знать. Она должна

понимать, чем рискует, когда выбирала Эрвина. Должна была понимать. Но, может быть, не понимала. Может быть, думала, что брат её спасёт. Что брат что-то придумает, выкрутится, использует своё положение. В конце концов, он же не простой писарь, он главный архивариус, он сидит по правую руку от председателя, он имеет право вносить правки

Он не стал вносить правки. Он сделал то, что должен был сделать. То, что от него ожидали. То, что он делал двадцать лет. Его работа — не спасать людей. Его работа — соблюдать стандарт. Стандарт не знает имён. Стандарт не знает сестёр. Стандарт знает только «соответствует» и «не соответствует».

В дверь снова постучали. На этот раз без паузы — вошёл председатель.

Господин Кестлер был высоким, сухим человеком с лицом, которое никогда не выражало эмоций. Он возглавлял Комиссию двенадцать лет и за эти годы не пропустил ни одного Санитарного дня. Говорили, что он даже болеет по расписанию — только в те дни, когда Комиссия не заседает.

— Списки готовы? — спросил он.

— Готовы, — сказал Мартин.

— Все секции?

— Все.

Председатель взял папку, открыл. Пролистал. Остановился на секции «С». Мартин видел, как его глаза нашли то самое имя. Кестлер ничего не сказал. Только кивнул — едва заметно, как будто сам себе. Потом закрыл папку.

— Через полчаса начинаем, — сказал он. — Вы зачитываете секции с «А» по «К». Я беру «Л» и дальше.

Обычно Мартин зачитывал все секции. Это была его привилегия, его бремя, его крест. Но сегодня председатель менял порядок. Он брал на себя секцию «С» — ту, в которой было имя Клары Линд. Он делал это специально. Чтобы избавить Мартина от необходимости зачитывать имя сестры перед всей площадью. Или чтобы убедиться, что Мартин не пропустит его, не запнётся, не выдаст слабости.

— Хорошо, — сказал Мартин.

Председатель вышел. Мартин остался стоять у окна. Толпа на площади стала больше. Он видел знакомые лица — торговцев, ремесленников, чиновников, жён чиновников, их детей. Все пришли, потому что явка на оглашение списков была обязательной. Кто не приходил — попадал в список следующего Санитарного дня. Таков был порядок.

Он поискал глазами Клару. Не нашёл. Может быть, она стояла где-то с краю, в тени. А может быть, не пришла. Если не пришла — это уже нарушение. Её возьмут дома. Так даже проще. Без свидетелей, без криков, без сцен. Просто откроют дверь, и стражники скажут: «Клара Линд, вы подлежите переводу в Санитарную зону. Пройдёмте».

Без пятнадцати девять он спустился на площадь. Встал у трибуны, справа от председателя. В руках у него была папка — не та, главная, а его часть списков, секции «А»-«К». Папка была тяжёлой. В этом году в списках было четыреста семьдесят три имени. Больше, чем в прошлый раз. Больше, чем пять лет назад. Стандарт становился строже. Требования — выше. Королевство — чище.

Глашатай ударил в гонг. Гул поплыл над площадью, отразился от стен домов и вернулся обратно. Толпа затихла.

— Граждане королевства! — начал председатель. — Сегодня Санитарный день. День, когда мы очищаем наш дом от скверны. День, когда мы подтверждаем нашу верность Стандарту. Стандарт — это то, что делает нас сильными. Стандарт — это то, что хранит нашу кровь чистой, наши помыслы — правильными, наше будущее — светлым. Те, кто не соответствует Стандарту, будут переведены в Санитарную зону. Не в наказание, но в помощь. Там они смо-

гут жить среди себе подобных. Там они не будут мешать процветанию королевства. Там они будут счастливы.

Последнее слово он произнёс с такой интонацией, что Мартину стало холодно. Счастливы. Кто верил в это? Кто вообще мог поверить в то, что Санитарная зона — это место счастья? Никто. Но все делали вид. Делать вид было частью Стандарта.

— Архивариус Линд зачитает секции «А»-«К», — сказал председатель. — Слушайте и запоминайте. Имена будут названы один раз.

Мартин поднялся на трибуну. Раскрыл папку. Площадь смотрела на него. Сотни глаз. В первых рядах стояли те, кто был уверен в своей чистоте — богатые купцы, знать, высшие чиновники. Дальше — средний класс, ремесленники, лавочники. По краям — беднота, которая всегда боялась Санитарного дня больше всех, хотя бедность сама по себе не была нарушением. Пока. Пока бедность не становилась «угрозой санитарному состоянию».

— Секция «А», — начал Мартин. Голос звучал ровно. Двадцать лет практики. — Айзенберг, семья: отец Грегор, мать Ханна, дети Петер и Анна. Причина: неуплата налога на чистоту в течение трёх лет. Айзеншмидт, Карл. Причина: хранение запрещённой литературы. Альтман, Мария. Причина: знахарство без лицензии

Имена падали в тишину, как камни в воду. Без всплеска. Только иногда где-то в толпе раздавался короткий вскрик, и тогда стражники поворачивали головы в сторону звука. Но крики быстро затихали. Люди боялись кричать. Крик могли расценить как несогласие. Несогласие со Стандартом было нарушением.

Мартин читал. Секция «А», секция «Б», секция «В». Глаза скользили по строчкам. Голос работал отдельно от мыслей. Мысли были далеко — в доме на улице Мельников, где Клара, наверное, уже слышала гонг. Если она была дома. Если она вообще была.

Он читал секцию «К». Оставалось немного. Потом его сменил председатель, и он прочитает секцию «С». И имя Клары Линд прозвучит над площадью. И станет окончательным. Необратимым.

Мартин читал. Голос не дрожал. Рука, держащая папку, не дрожала. Лицо было спокойным. Только внутри, где-то очень глубоко, что-то обрывалось — медленно, как верёвка под слишком тяжёлым грузом.

— Краузе, семья: отец Вильгельм, мать Эльза, сын Отто. Причина: распространение слухов о неэффективности Санитарной политики.

Он закрыл папку. Сошёл с трибуны. Председатель поднялся на его место. Мартин встал справа, как положено, выпрямив спину, глядя прямо перед собой. Он чувствовал взгляды — сочувствующие, любопытные, злорадные. Кто-то уже знал про Клару. Кто-то уже ждал момента, когда прозвучит это имя. Жалел ли он, что не уничтожил её карточку вчера, когда впервые увидел список? Жалел. Жалел так, как не жалел ни о чём в своей жизни. Но сделанного не воротишь. Перо уже опустилось на бумагу. Имя уже стало частью списка. Санитарный день начался.

— Секция «Л», — начал председатель. Его голос был громче, чем у Мартина. Он читал имена с расстановкой, с паузами, как будто смакуя. — Ланге, семья. Леман, Рихард. Линд, Клара.

Мартин услышал это имя — и ничего не произошло. Мир не рухнул. Солнце не погасло. Просто имя. Просто одно из четырёхсот семидесяти трёх.

Где-то в толпе, кажется, слева, раздался женский крик. Короткий, сдавленный. Мартин не повернул головы. Он не знал, был ли это голос Клары, или её подруги, или просто кого-то, кто знал её. Он не повернул головы. Он стоял и смотрел прямо перед собой.

Председатель читал дальше.

Когда чтение закончилось, гонг пробил снова. Стражники начали расходиться по адресам. Мартин знал процедуру: к вечеру все четыреста семьдесят три человека будут собраны в

пересыльном пункте у Восточных ворот, а завтра на рассвете колонна двинется к Санитарной зоне.

Он остался на площади, когда все уже разошлись. Стоял и смотрел на пустую трибуну. Ветер трепал белое полотно с гербом королевства. Чаша, из которой выливается вода. Очищение. Чистота. Стандарт.

Потом он пошёл домой. Жена ждала его на пороге. Она всё знала — слуги уже доложили. Она обняла его, прижала к себе, сказала что-то утешительное. Он не слышал. Он думал о Кларе, которая сейчас, наверное, сидит в пересыльном пункте на холодном каменном полу и смотрит в стену. Он думал о том, что он сделал. И о том, чего он не сделал.

Ночью он не мог уснуть. Лежал и смотрел в потолок. Жена спала рядом. Её дыхание было ровным и спокойным. Ей нечего было бояться. Их дети спали в соседней комнате — здоровые, чистые, соответствующие Стандарту. Он сохранил их безопасность, пожертвовав сестрой. Разве не в этом состоит его долг?

Он закрыл глаза. Увидел Клару. Она сидела на полу пересыльного пункта и смотрела на него. Не с укором — просто смотрела. Как тогда, в детстве, когда он болел, а она приносила ему яблоки.

— Прости, — сказал он. Но она не ответила. Она просто смотрела. А потом изображение растаяло, и осталась только темнота.

На следующий день, ровно в шесть утра, колонна из четырёхсот семидесяти трёх человек вышла из Восточных ворот. Мартин стоял на городской стене и смотрел им вслед. Солнце поднималось над горами, длинные тени ползли по дороге. Люди шли медленно — старики, дети, женщины. Он искал среди них Клару, но не мог разглядеть. Слишком далеко. Слишком много людей. Все они были одеты в серые балахоны — униформу Санитарной зоны.

Колонна уходила всё дальше. Пыль поднималась из-под ног и висела в воздухе. Мартин стоял на стене и смотрел. Стража не прогоняла его — он был главным архивариусом, ему было позволено стоять здесь и смотреть. Возможно, это тоже было частью испытания. Частью наказания за то, что он породил сестру, которая нарушила Стандарт.

Когда колонна скрылась за холмом, он спустился со стены и пошёл в Комиссию. В коридорах было тихо. Санитарный день закончился, можно было жить дальше. Пять лет до следующего.

Он зашёл в свой кабинет. Сел за стол. Перед ним лежала чистая бумага и чернильница. Он взял перо, обмакнул в чернила. Рука дрогнула — впервые за двадцать лет. Он попытался написать первую букву, но чернила потекли неровно, кляксой. Он отложил перо. Посмотрел на свою руку. Рука была та же — кости, кожа, ногти, лёгкие старческие пятна. Но что-то в ней изменилось. Что-то внутри сдвинулось, как будто маленький камешек упал в глубокий колодец и ещё не достиг дна.

Он не знал тогда, что этот камешек будет падать целый год. И когда он упадёт — всё изменится. Всё, во что он верил. Всё, чему он служил. Всё, что он считал истиной. Но это было потом. А сейчас он сидел за столом, смотрел на кляксу и думал о том, что где-то там, за Восточными горами, его сестра идёт по пыльной дороге в место, откуда не возвращаются. И он отправил её туда. Собственной подписью. Собственной рукой, которая не дрогнула.

Колокол пробил девять. Начался обычный рабочий день. Мартин взял новое перо и начал писать. Бумага была белой и гладкой, чернила ложились ровно. Всё было как всегда. Всё было как прежде. Кроме одного — имени, которое теперь всегда будет стоять у него перед глазами. Имени, которое он подписал. Имени своей сестры. Клары.

Дорога, которая ведёт только в одну сторону

Колонна вышла из Восточных ворот, когда солнце ещё только показалось над горами. Пыль поднималась из-под сотен ног и висела в воздухе серым облаком. Клара шла в середине колонны, стараясь не спотыкаться о камни. Серый балахон, который ей выдали в пересыльном пункте, был велик, рукава свисали ниже пальцев, грубая ткань натирала шею. Она подвернула рукава и продолжала идти.

Рядом с ней шла женщина с младенцем на руках. Младенец плакал, и женщина пыталась укачать его на ходу, но дорога была слишком тряской. Клара протянула руки.

— Давайте, я понесу немного, — сказала она.

Женщина посмотрела на неё с недоверием, потом с облегчением. Передала ребёнка. Он был лёгким, почти невесомым, завернутым в обрывок одеяла. Личико сморщенное, красное, но глаза ясные, голубые. Он перестал плакать, когда Клара прижала его к груди.

— Спасибо, — сказала женщина. Её звали Эльза. Она была из семьи Краузе — тех, кого обвинили в распространении слухов о неэффективности Санитарной политики. Она не распространяла слухов, просто сказала соседке, что муж болеет и не может работать. Соседка донесла. Теперь вся семья шла в Зону: она, муж Вильгельм, сын Отто и этот младенец, которого она родила две недели назад. Ему ещё не дали имени.

— Не за что, — сказала Клара. — Меня Кларой зовут.

— Знаю, — сказала Эльза. — Вы сестра архивариуса.

Клара ничего не ответила. Это не было секретом, все в городе знали, кто она. Имя её брата прозвучало на площади, когда зачитывали списки. Только не её имя, а его — «Линд, Клара, сестра архивариуса». Как будто она была не человеком, а придатком к его должности. Как будто её вина была не в том, что она выбрала не того мужчину, а в том, что она опозорила брата.

Она думала о брате всё утро. С того момента, как стражники постучали в её дверь. Их было двое — молодые, с белыми повязками на рукавах. Они вошли без разрешения, зачитали приказ, дали ей десять минут на сборы. Она успела взять только самое необходимое — смену белья, гребень, немного денег, которые стражники тут же отобрали, и книгу стихов. Книгу ей оставили — наверное, пожалели, или просто не заметили, или подумали, что в Зоне книги всё равно никому не нужны.

Когда её вели через город к пересыльному пункту, она смотрела на окна домов. Где-то там, за одним из этих окон, стоял её брат. Она знала, что он стоит у окна и смотрит. Она знала, что он не спустится, не попросится, не скажет ни слова. Он не мог. Она понимала это. Понимала, но простить не могла.

Пересыльный пункт был в подвале старой таможни. Сырые каменные стены, пол, усыпанный соломой, и запах — кислый, застарелый, запах страха и отчаяния. Там уже были люди — десятки, может быть, сотни. Они сидели на полу, на корточках, на узлах с вещами. Кто-то плакал, кто-то молчал, кто-то молился. Дети жались к родителям. Старики сидели с каменными лицами, уставившись в одну точку.

Клара нашла свободный угол и села. Холод от каменного пола пополз вверх по позвоночнику. Она обхватила колени руками. Рядом оказался мужчина лет пятидесяти, с седой бородой и усталыми глазами. Он посмотрел на неё, кивнул.

— Первый раз? — спросил он.

— Первый, — сказала она.

— Я второй, — сказал он. — Пять лет назад уже был здесь. Тогда меня не взяли — признали соответствующим. А теперь вот.

— Почему?

— Сын вырос и сказал что-то не то в таверне. Вся семья отвечает. Стандарт.

Он произнёс «Стандарт» так, как говорят о покойнике, — с неестественным уважением. Клара промолчала. Она думала об Эрвине. Где он сейчас? Жив ли? Его имя не прозвучало на площади. Может быть, его не нашли. Может быть, он скрылся. А может быть, его просто не включили в список, потому что его кровь и так была нечистой, и её связь с ним была достаточным преступлением без его участия.

Ночь в пересыльном пункте была самой длинной в её жизни. Она не спала. Сидела, привалившись к стене, и слушала звуки: шаги стражников за дверью, плач детей, шёпот молитв. Под утро кто-то запел — тихо, едва слышно, старую народную песню о реке, которая течёт на восток. Её подхватили несколько голосов, и на минуту в подвале стало почти мирно. Но стражник ударил в дверь прикладом, и пение оборвалось.

На рассвете их вывели во двор, построили в колонну по четыре, выдали балахоны и сказали: «Пойдёте на восток. До Санитарной зоны три дня пути. Кто отстанет — останется на дороге. Кто попытается бежать — будет убит. Всё понятно?»

Им было всё понятно. Они пошли.

Сейчас, на дороге, Клара всё ещё несла младенца. Эльза шла рядом, держа за руку старшего сына, Отто. Мальчику было лет семь, он молчал всю дорогу, только иногда оглядывался назад, на город, который становился всё меньше. Вильгельм, его отец, шёл впереди, сгорбившись, кашляя. Он действительно был болен — может быть, чахотка, может быть, что-то ещё. Врачей в колонне не было. Лекарств тоже.

Дорога шла через поля. Поля были пустыми — был не сезон, земля лежала под паром, тёмная, влажная после ночного дождя. Кое-где торчали стебли прошлогодней кукурузы. Птицы кружили над пашней. Всё было обычным, будничным, как будто не было никакого Санитарного дня, как будто эти четыреста с лишним человек не шли в изгнание, а просто переселялись на новое место.

Конвоиры шли по краям колонны. Их было около тридцати — солдаты в чёрных кирасах, с алебардами и короткими мечами на поясе. Они не разговаривали с изгнанниками. Только изредка покрикивали: «Держать строй! Не растягиваться! Быстрее!» Они не выглядели жестокими. Они просто делали свою работу. Как её брат. Просто делал свою работу. Подписывал списки.

К полудню колонна остановилась на привал. Люди попадали на траву у дороги. Конвоиры раздали воду — по глотку на человека — и сухари. Клара вернула младенца Эльзе, взяла свой сухарь, размочила в воде и съела. Она не чувствовала голода, но понимала, что нужно есть. Три дня пути — это долго. Если она ослабеет, ей никто не поможет. Здесь каждый был за себя. Или наоборот — здесь все были в одной лодке, и помощь другим была помощью себе. Она ещё не решила, как правильнее думать.

После привала колонна пошла дальше. Солнце поднялось высоко, стало жарко. Серые балахоны накалялись, ткань прилипала к телу. Дети начали хныкать. Старики отставали. Один старик — совсем дряхлый, с палкой, которая была длиннее его самого, — упал на обочину и не смог подняться. Конвоир подошёл, посмотрел, пнул его сапогом. Старик не пошевелился. Конвоир махнул рукой.

— Оставьте, — сказал он. — Всё равно не дойдёт.

Колонна пошла дальше. Клара оглянулась. Старик лежал на обочине, и пыль от шагов медленно оседала на его неподвижное тело.

Вечером они остановились на ночлег. Место выбрали у реки — неширокой, с быстрой водой, заросшей ивняком по берегам. Конвоиры развели костры, выставили охрану. Изгнанникам разрешили набрать воды и лечь спать прямо на земле. Клара нашла место под старой ивой, настелила веток, легла. Земля была холодной, но она слишком устала, чтобы обращать на это внимание.

Рядом легла Эльза с детьми. Младенец снова заплакал — он был голоден, у Эльзы пропало молоко, то ли от стресса, то ли от усталости, то ли от скудной еды. Вильгельм попытался успокоить его, но безуспешно. Тогда к ним подошёл мужчина с седой бородой — тот самый, что говорил с Klarой в пересыльном пункте.

— Дайте мне, — сказал он. Взял младенца на руки и начал что-то тихо напевать. Мелодия была странной, незнакомой, она не походила ни на одну из народных песен королевства. Но младенец затих, а потом уснул.

— Как вы это делаете? — спросила Эльза.

— Я был лекарем, — сказал мужчина. — До того, как стал «несоответствующим». Меня зовут Отто. Как вашего сына.

— Тёзки, — сказала Эльза и впервые за весь день улыбнулась.

Kлара смотрела на них и думала о том, что здесь, на этой дороге, среди людей, которых объявили грязными и ненужными, было больше человечности, чем там, в городе, где каждые пять лет площадь наполнялась теми, кто боялся, что назовут не их имя. Может быть, потому что здесь уже нечего было терять. А может быть, потому что страх делает людей жестокими, а общая беда — наоборот, милосердными. Она не знала. Она просто смотрела на огонь и думала.

Утром колонна двинулась дальше. Второй день был тяжелее первого. Дорога пошла в гору, камни стали острее, воздух — разреженнее. Люди начали сбрасывать вещи — то, что взяли с собой, что казалось необходимым, теперь стало обузой. Одежда, посуда, книги, фотографии в рамках — всё это ложилось на обочину, как свидетельства прошлой жизни. Кто-то пытался закопать семейные реликвии, чтобы вернуться за ними когда-нибудь. Но все знали, что никто не вернётся. Из Зоны не возвращались.

К полудню третьего дня они увидели стену.

Она появилась неожиданно — просто выросла из-за холма, длинная, серая, сложенная из огромных каменных блоков. Она тянулась от горы до горы, перегораживая долину целиком, как плотина перегораживает реку. Наверху стены была колючая проволока, а через равные промежутки стояли сторожевые вышки. Солнце блестело на шлемах часовых.

Колонна остановилась. Люди смотрели на стену и молчали. Даже дети перестали хныкать. В этой стене было что-то окончательное. Что-то, что не оставляло надежды.

— Санитарная зона, — сказал кто-то. Голос прозвучал глухо, как будто из-под земли.

Ворота были чёрными, обитыми железом, с огромными засовами. Когда колонна подошла ближе, ворота начали открываться — медленно, со скрежетом, который разносился по всей долине. За воротами была тьма — или это просто казалось от яркого солнца.

Конвоиры построили колонну в шеренгу и начали переключку. Выкликали имена по списку, один за другим. Люди отзывались и проходили в ворота. Клара ждала своей очереди. Рядом с ней стояла Эльза с детьми и Отто-лекарь.

— Линд, Клара! — выкрикнул конвоир.

— Здесь, — сказала она и шагнула в ворота.

Тьма накрыла её. Она прошла несколько шагов, и тьма расступилась. Она увидела небо — такое же голубое, как по ту сторону стены. Увидела землю — серую, каменистую, но всё же землю. Увидела людей.

Их было много. Сотни, может быть, тысячи. Они стояли по обе стороны дороги, которая вела от ворот вглубь Зоны. Они не выглядели измождёнными или больными. Они были одеты в такую же серую одежду, но их лица были другими — не испуганными, не затравленными, а спокойными. Выжидающими.

Один из них, высокий мужчина с обветренным лицом и руками, покрытыми шрамами, шагнул вперёд.

— Добро пожаловать, — сказал он. Голос был низким, грудным. — Меня зовут Рихард. Я здесь уже пятнадцать лет. Не бойтесь. Здесь не так страшно, как вам рассказывали.

Клара хотела что-то ответить, но не смогла. Горло перехватило. Она просто кивнула.

Ворота за её спиной закрылись с тем же скрежетом. Колонна новоприбывших стояла на дороге, растерянная, измученная, грязная. А вокруг них стояли люди, которые когда-то прошли через эти же ворота. И они смотрели не с жалостью и не с презрением. Они смотрели с пониманием.

Рихард поднял руку, призывая к вниманию.

— Сейчас вас отведут в распределительный пункт. Там вы получите кров, еду и одежду. Завтра вам объяснят правила. Здесь нет короля, нет чиновников, нет налогов. Здесь каждый работает и каждый получает то, что ему нужно. Мы живём по-другому.

— По-другому — это как? — спросил кто-то из новоприбывших.

— Узнаете, — сказал Рихард. — Времени у вас будет много.

Клара пошла вместе со всеми по дороге вглубь Зоны. Она оглядывалась по сторонам. Справа виднелись какие-то постройки — невысокие, но крепкие, сложенные из того же серого камня, что и стена. Слева — поля, возделанные, с ровными рядами каких-то растений. Впереди, у горизонта, поднимались дымки — наверное, жилые кварталы. Она не ожидала увидеть ничего подобного. Она ожидала увидеть ад.

Улица, на которую они вышли через полчаса, была чистой. По сторонам стояли дома — не бараки, а дома, с окнами, с дверями, с маленькими огородами перед входом. Дети играли на дороге — босоногие, чумазые, но смеющиеся. Женщина развешивала бельё на верёвке. Мужчина чинил телегу. Всё выглядело как обычная жизнь. Как жизнь там, за стеной, только без стражников, без портретов короля, без герба с чашей, из которой выливается вода.

Их привели в большое здание — бывший склад, перестроенный под что-то вроде общежития. Внутри было чисто, пахло деревом и сушёными травами. На стенах висели самодельные светильники. Новоприбывшим выдали чистую одежду — такую же серую, но лучше скроенную, без грубых швов, — и отвели в комнаты. В комнате, куда попала Клара, было шесть коек, стол, стулья и даже цветок в горшке на подоконнике. Настоящий живой цветок. Жёлтый.

Она села на койку и зажмурилась. Она думала о том, что сейчас, в этот самый момент, её брат Мартин сидит в своём кабинете, подписывает бумаги и считает, что она страдает. Может быть, он мучается чувством вины. Может быть, он пытается оправдать себя тем, что действовал по закону. А она здесь — в месте, которое он помог создать, — и это место не похоже на ад. По крайней мере, пока.

Вечером их позвали на ужин. Столовая была в другом здании, просторном, с длинными деревянными столами. Еда была простой — каша с овощами, хлеб, вода. Но её было вдоволь. Никто не отмерял порции, никто не считал куски. Люди брали, сколько хотели, и садились где хотели. Рихард сидел во главе одного из столов и что-то рассказывал новоприбывшим. Клара села поближе, чтобы слушать.

— Когда меня сослали, здесь была пустошь, — говорил Рихард. — Стена была только с одной стороны, и всё. Мы жили в землянках. Еды не хватало — то, что сбрасывали раз в месяц, было гнилым и червивым. Люди умирали. Но потом мы поняли: если мы будем ждать помощи оттуда, — он кивнул в сторону стены, — мы умрём все. И мы начали делать сами.

— Что делать? — спросил мальчик Отто, сын Эльзы.

— Всё, — сказал Рихард. — Сажать хлеб. Строить дома. Лечить больных. Учить детей. Мы поняли, что здесь никому нет дела до того, кто кем был до того, как попал сюда. Там ты мог быть сапожником, который никому не нужен, потому что его сапоги недостаточно хороши. А здесь ты просто сапожник, и твои сапоги нужны всем. Понимаешь?

Мальчик кивнул, хотя, наверное, не до конца понял.

— У нас нет начальников, — продолжал Рихард. — Есть совет, который выбирают раз в год. В совете десять человек. Они решают, что нужно делать в первую очередь, где строить, что сажать. Но никто не приказывает. Если ты видишь, что нужно что-то сделать, ты делаешь.

Если не можешь сам — просишь помощи. И тебе помогают. Потому что здесь все знают: если ты не поможешь другому, завтра никто не поможет тебе.

Клара слушала и чувствовала, как внутри что-то переворачивается. Всю жизнь она слышала, что Санитарная зона — это место наказания. Место, куда ссылают отбросы общества, чтобы они не мешали чистым и правильным людям. А оказалось, что здесь, среди отбросов, построили общество, которое было справедливее? Человечнее? Она не знала, какое слово подобрать. Но что-то в этом было. Что-то настоящее.

После ужина она вышла на улицу. Солнце садилось за горы, небо стало оранжевым, потом розовым, потом синим. Звёзды высыпали быстро, как будто кто-то просыпал серебряную пыль на чёрный бархат. Она стояла и смотрела на звёзды. Они были такими же, как там, дома. Такими же, как в детстве, когда она смотрела на небо с крыши родительского дома, а Мартин сидел рядом и рассказывал ей названия созвездий.

Мартин. Она запретила себе думать о нём, но мысли возвращались. Что он сейчас делает? Спит? Или лежит без сна, как она в пересыльном пункте? Думает ли он о ней? Жалеет ли? Она надеялась, что да. И одновременно ненавидела его за эту надежду. Потому что его сожаление ничего не меняло. Она всё равно была здесь, а он всё равно был там. И между ними была стена.

К ней подошла Эльза. Младенец спал у неё на руках, укутанный в одеяло.

— Не спится? — спросила она.

— Нет, — сказала Клара.

— Мне тоже. Я всё думаю: может, здесь лучше, чем там? Мой муж болел и не мог работать. Соседка донесла. Если бы не соседка, он бы всё равно умер через год. А здесь здесь лекарь Отто говорит, что у него есть лекарства. Может, вылечит.

— Может, — сказала Клара.

Они постояли молча. Потом Эльза пошла спать, а Клара осталась. Она думала о словах Рихарда. «Если ты не поможешь другому, завтра никто не поможет тебе». Это было так просто. Так очевидно. Почему там, за стеной, люди не понимали этого? Почему там все боялись друг друга, доносили, предавали? Почему там было важно, кто на ком женится, кто сколько зарабатывает, кто чьей крови? Почему там чистота была важнее человечности?

Она не знала ответа. Но она знала, что хочет его найти.

На следующее утро их распределили по работам. Клару, как грамотную, отправили в школу — помогать учителям. Школа была в отдельном здании, с большими окнами, с досками на стенах. Дети сидели за партами и учились читать. Учительница — пожилая женщина с седым пучком на затылке — вела урок, и дети слушали её с таким вниманием, какого Клара никогда не видела в городских школах.

— Мы учим их не только грамоте, — сказала учительница, когда урок закончился. — Мы учим их думать. Там, за стеной, детей учат запоминать и повторять. Мы учим задавать вопросы. Это единственное, что нас спасёт.

Клара осталась в школе до вечера. Она помогала детям писать буквы, читала им вслух книгу — ту самую, что принесла с собой. Это были стихи, и дети слушали, затаив дыхание. Когда она закончила, одна девочка спросила:

— А что такое «свобода»?

Клара задумалась. Она никогда не думала об этом слове. Свобода была чем-то, что подразумевалось само собой — или не подразумевалось вовсе. В городе никто не говорил о свободе. Говорили о долге, о чистоте, о стандарте. Свобода была чем-то из книг, из старых времён, до того, как короли установили Стандарт.

— Это когда ты можешь выбирать, — сказала она наконец.

— Выбирать что?

— Всё. Где жить. Кого любить. О чём думать.

— А здесь у нас есть свобода? — спросила девочка.

— Не знаю, — сказала Клара. — Может быть, больше, чем там.

Прошла неделя. Потом две. Клара привыкала к жизни в Зоне. Она работала в школе, помогала на кухне, училась сажать овощи. Вечерами она сидела с Эльзой и её семьёй, слушала рассказы Отто-лекаря о том, как он лечил людей до того, как его сослали. Он был хорошим лекарем. Его сослали за то, что он лечил «нежелательных» — тех, кого королевство предпочло бы видеть мёртвыми. Бродяг, нищих, проституток. Он лечил их бесплатно, и этого оказалось достаточно, чтобы его имя попало в список.

— Твой брат подписал приказ о моей высылке, — сказал он однажды Кларе. В его голосе не было обвинения, просто констатация факта.

— Я знаю, — сказала она.

— Ты злишься на него?

— Не знаю. Иногда злюсь. Иногда жалею. Он думает, что делает правильное дело.

— Он ошибается, — сказал Отто. — Но он не злой человек. Он просто слепой. Как и многие там.

— Можно ли вылечить слепоту? — спросила Клара.

— Можно, — сказал Отто. — Но это больно. И не все хотят лечиться.

Месяц прошёл быстро. Клара начала забывать вкус страха. Здесь, в Зоне, не было Санитарных дней. Не было списков. Не было стражников, которые стучат в дверь на рассвете. Была работа, были заботы, были маленькие радости — первый урожай редиски, песни у костра, звёзды над головой. Она начала забывать, что она — изгнанница. Она начала чувствовать себя дома.

Но мысль о брате не уходила. Она жила где-то на дне сознания, как заноза. Клара думала о том, что он там, за стеной, продолжает подписывать списки. Что через пять лет будет новый Санитарный день, и новая колонна пройдёт через ворота. И среди этих людей будут такие же, как она, — те, кто просто выбрал не того, кого нужно, или сказал не то, что нужно, или просто оказался неудобным.

Она думала: неужели нельзя ничего изменить? Неужели стена будет стоять вечно, и каждые пять лет люди будут идти по этой дороге? Неужели её брат никогда не поймёт, что он делает?

Она не знала ответов. Но она знала, что теперь у неё есть время их найти. Времени в Санитарной зоне было много. Целая жизнь.

А за стеной, в городе, Мартин Линд сидел за своим столом, подписывал бумаги и старался не думать о сестре. У него получалось всё хуже. Камень, упавший в колодец, всё ещё летел. И дна не было.

Камень, который всё летит

Мартин просыпался за минуту до колокола. Это вошло в привычку за двадцать лет, и привычка не уходила, даже когда колокол молчал. В обычные дни колокол звонил в семь, но Мартин открывал глаза в шесть пятьдесят девять и лежал, глядя в потолок, ожидая первого удара. С некоторых пор ожидание стало тягостным. Раньше он просто ждал начала рабочего дня. Теперь он ждал чего-то другого. Чего — он сам не знал.

За окном было ещё темно. Осень подступала к городу медленно, крадучись, как вор. Листья на липах вдоль улицы Красных Фонарей пожелтели, но ещё держались на ветках. Скоро они опадут, и дворники будут мести мостовую каждое утро, собирая мокрую листву в кучи и сжигая за городской стеной. Мартин любил этот запах — горьковатый дым осенних листьев. В детстве они с Кларой убегали за стену и прыгали через костры, которые разводили садовники. Клара всегда прыгала дальше. Она вообще всё делала лучше — бегала быстрее, смеялась громче, спорила упрямее. И всегда говорила то, что думала. Даже когда это было опасно.

Мартин сел на кровати. Жена спала, отвернувшись к стене. Её дыхание было ровным, спокойным. Она не знала, что он просыпается раньше колокола. Она вообще многого о нём не знала. Они прожили вместе пятнадцать лет, вырастили двоих детей, делили постель и стол, но между ними всегда была стена — не каменная, как вокруг Санитарной зоны, а прозрачная, из невысказанных слов и невыраженных чувств. Он не винил её. Он сам построил эту стену. Из кирпичей своей должности, из раствора своего долга, из балок своей веры в Стандарт.

Колокол пробил семь. Мартин встал, оделся, позавтракал. Всё как обычно. Серый мундир, серебряный кант, тупые перья на нашивке. стакан воды. Ломоть хлеба с маслом. Поцелуй в щеку спящей жены — она не проснулась, только пробормотала что-то неразборчивое. Дети ещё спали — их комната была дальше по коридору. Он слышал, как посапывает младший, как скрипит кроватью старший. Хорошие дети. Чистые дети. Соответствующие Стандарту.

На улице было холодно. Осенний ветер пробирался под мундир, заставляя ёжиться. Мартин поднял воротник и пошёл быстрее. У входа в Комиссию, как всегда, стояли стражники. Те же четверо. Молодой, с прыщавым лицом, отдал честь. Мартин кивнул. Он так и не запомнил его имени. За двадцать лет он не запомнил имён ни одного стражника. Они менялись, старели, уходили в отставку, а он оставался. Главный архивариус. Хранитель списков. Тот, кто подписывает.

В коридоре пахло бумагой и воском. Всё так же, как и всегда. Но сегодня Мартин почувствовал что-то ещё. Какой-то новый запах, слабый, едва уловимый. Пыль? Плесень? Или просто осень проникла в каменные стены Комиссии? Он не мог определить.

В кабинете его ждал секретарь. Тот самый, с кадыком. Он стоял у стола, переминаясь с ноги на ногу.

— Господин Линд, — сказал он. — Председатель просил зайти к нему. Срочно.

— Что-то случилось?

— Не могу знать, господин Линд. Но он сказал — немедленно.

Мартин отложил папку, которую только что взял со стола, и пошёл к председателю. Кабинет Кестлера был в конце коридора, самый большой, с дубовой дверью и бронзовой ручкой в виде чаши. Чаша была символом очищения — та же, что на гербе королевства. Мартин постучал.

— Войдите.

Председатель сидел за своим столом. Перед ним лежала какая-то бумага, которую он читал, низко склонив голову. Когда Мартин вошёл, он поднял глаза. Они были серыми, холодными, как вода в горной реке.

— Садитесь, Линд.

Мартин сел на стул напротив. Стул был жёстким, с прямой спинкой — специально, чтобы посетители не расслаблялись. Председатель отложил бумагу и сложил руки перед собой. Его пальцы были длинными и сухими, с аккуратно подстриженными ногтями. Пальцы человека, который никогда не занимался физическим трудом.

— Я хотел поговорить о вашей сестре, — сказал Кестлер.

У Мартина внутри что-то сжалось, но лицо осталось спокойным. Двадцать лет практики.

— Моя сестра была переведена в Санитарную зону в соответствии с приказом, который я подписал, — сказал он. — Если есть вопросы к процедуре, я готов ответить.

— Вопросов к процедуре нет, — сказал Кестлер. — Процедура была соблюдена безупречно. Я говорю о другом.

Он взял со стола бумагу и протянул Мартину. Это был рапорт от службы надзора — ведомства, которое следило за настроениями среди чиновников. Мартин знал о существовании этой службы, но никогда не сталкивался с ней лично. Рапорт был кратким. «Архивариус Линд М. проявляет признаки эмоциональной нестабильности после перевода его сестры в СЗ. Рекомендуются наблюдение».

— Это ерунда, — сказал Мартин, возвращая бумагу. — Я выполняю свои обязанности так же, как и всегда. Никакой нестабильности.

— Я знаю, — сказал Кестлер. — Я не вызвал бы вас, если бы считал этот рапорт обоснованным. Но вы должны понимать: вы находитесь под пристальным вниманием. Ваша сестра нарушила Стандарт. То, что вы не попытались её спасти, говорит в вашу пользу. Но теперь каждый ваш шаг будут оценивать. Каждое ваше слово. Каждое ваше молчание.

— Я понимаю, — сказал Мартин.

— Надеюсь, — сказал Кестлер. — Потому что я не хочу терять хорошего архивариуса. Вы работаете безупречно двадцать лет. Но Стандарт не знает пощады. Если вы дадите повод — вы знаете, что будет.

Мартин знал. Он знал это лучше, чем кто-либо. Он сам оформлял приказы о высылке чиновников, которые давали повод. Советник Кройц, например. Мартин до сих пор помнил каждую букву того приказа.

— Можете идти, — сказал Кестлер. — И постарайтесь не давать поводов.

Мартин вышел из кабинета и пошёл по коридору. Его шаги звучали гулко в тишине. Он думал о рапорте. Кто-то следил за ним. Кто-то докладывал. Может быть, секретарь. Может быть, кто-то из сослуживцев. Может быть, даже стражник с прыщавым лицом. Теперь это не имело значения. Важно было только то, что он должен быть осторожен. Осторожен во всём.

Он вернулся в свой кабинет и сел за стол. Перед ним лежала папка с текущими делами — списки неблагонадёжных за квартал, отчёты о санитарном состоянии кварталов, заявки на проверки. Он открыл папку и начал читать. Работа помогала не думать. Работа всегда помогала не думать. Именно поэтому он работал так много — двенадцать, иногда четырнадцать часов в день. Когда ты занят, у тебя нет времени на мысли. А мысли были опасны.

Но сегодня работа не помогала. Буквы расплывались перед глазами. Он читал одно и то же предложение трижды и не понимал смысла. Перед глазами стояло лицо Клары — не то, которое он видел в детстве, смеющееся, с яблоком в руке, а то, которое он представлял себе теперь: осунувшееся, постаревшее, со следами страдания. Он не знал, как она выглядит сейчас. Он не знал, жива ли она вообще. Из Санитарной зоны не приходило вестей. Никогда.

Он отодвинул папку и подошёл к окну. Площадь перед Комиссией была пуста. Трибуну давно разобрали, и теперь на её месте стояли цветочные клумбы — жёлтые и бордовые хризантемы, которые цвели до первых заморозков. Чисто, красиво, правильно. Как и всё в королевстве.

Но что-то было не так. Мартин чувствовал это кожей, нюхом, каким-то древним инстинктом, который просыпается в человеке, когда он долго живёт среди лжи. Ложь пахнет по-особенному. Не плесенью и не пылью. Сладковато. Приторно. Как гниющие цветы.

Он стоял у окна и смотрел на пустую площадь. И впервые за двадцать лет он позволил себе задать вопрос, который никогда не задавал раньше. Вопрос, который был опаснее любого доноса, любого рапорта, любого приказа. Вопрос, который мог разрушить всё.

«А что, если я ошибался?»

Он тут же отогнал эту мысль. Загнал её глубоко, как загонял все опасные мысли. Приказал себе забыть. Но мысли не подчиняются приказам. Особенно опасные мысли. Они как сорняки — вырвешь один, а на его месте вырастает два новых.

День тянулся бесконечно. Мартин подписывал бумаги, принимал посетителей, отвечал на запросы. Всё как обычно. Но внутри что-то изменилось. Маленькая трещина появилась в монолите его убеждений. Он пока не замечал её — или делал вид, что не замечает. Но трещина была там. И со временем она будет только расти.

В обед он вышел в город. Обычно он обедал в Комиссии — приносил с собой хлеб и сыр, запивал водой из графина. Но сегодня ему хотелось выйти. Просто идти по улицам, смотреть на людей, дышать осенним воздухом. Он пошёл на рынок. Рынок в это время дня был шумным и многолюдным. Торговцы кричали, зазывая покупателей, кухарки торговались, дети вертелись под ногами. Пахло свежей выпечкой, копчёной рыбой, специями. Жизнь кипела. Обычная жизнь.

Мартин купил пирожок с мясом у старой торговки, которую знал уже много лет. Она поклонилась ему — главный архивариус был важной фигурой в городе.

— Как дела, господин Линд? — спросила она.

— Хорошо, Марта, — сказал он. — Как твои?

— Слава Стандарту, — сказала она. — Сын получил повышение в страже. Теперь он не простой стражник, а десятник. Всё благодаря чистоте нашей семьи.

— Поздравляю, — сказал Мартин.

Он пошёл дальше, жуя пирожок. Слова Марты звучали у него в ушах. «Слава Стандарту». «Благодаря чистоте». Сколько раз он слышал эти фразы? Тысячи? Десятки тысяч? Люди проносили их автоматически, не задумываясь. Как молитву. Как заклинание. Как будто слова могли защитить их от беды.

Но он знал, что не могли. Никакая чистота не гарантировала безопасности. Сегодня ты чист, а завтра твой сын сказал что-то не то в таверне — и вся семья идёт в Зону. Или соседка донесла, что ты не так посмотрел на портрет короля. Или просто твоё имя попало в список по ошибке — ошибки случались, хотя Комиссия их отрицала. Мартин знал, что ошибки случались. Он сам иногда находил их в списках и исправлял. Иногда. Не всегда. Некоторых ошибок он не замечал. Или не хотел замечать.

Он дошёл до конца рынка и повернул обратно. На углу стоял нищий. Мартин чуть не споткнулся о него. Нищий был грязным, оборванным, с язвами на лице. Таких обычно ссылали в Зону как «угрожающих санитарному состоянию». Но этот каким-то образом избежал высылки. Может быть, прятался. Может быть, подкупил кого-то. Может быть, просто повезло.

— Подайте, господин, — прохрипел нищий. — Во имя чистоты.

Мартин бросил ему монету и пошёл дальше. «Во имя чистоты». Даже нищие просили подаяние во имя чистоты. Чистота стала божеством. Идолом. Ей приносили жертвы. Человеческие жертвы — каждые пять лет, в Санитарный день. И все считали это правильным.

Он вернулся в Комиссию. Поднялся в кабинет. Секретарь снова ждал его с бумагами. Мартин сел за стол и начал работать. Мысли о Кларе отошли на задний план, но не исчезли. Они просто затаились, как зверь в норе, чтобы выйти наружу, когда наступит тишина.

Тишина наступила ночью. Мартин лежал в постели, глядя в потолок. Жена спала. Дети спали. Весь город спал. Только он не мог уснуть. Он думал о Санитарной зоне. О том, что там, за стеной, живут люди. Его сестра. Эльза Краузе с младенцем. Отто-лекарь. Тысячи людей, которых он помог отправить туда. Живы ли они? Как они живут? Что они едят? Во что верят?

Он представлял себе Зону так, как её описывали в официальных отчётах: место изоляции, где нежелательные элементы содержатся в условиях, достаточных для выживания. «Достаточных для выживания» — это была формулировка, которую он сам внёс в устав пятнадцать лет назад. Раньше там было написано «в условиях, обеспечивающих исправление». Но он заменил «исправление» на «выживание», потому что никто не верил в исправление. Исправлять было некого. Люди не становились чище от того, что их ссылали в Зону. Они просто исчезали.

Но куда они исчезали? Что происходило с ними после того, как ворота закрывались? Мартин никогда не задавал себе этого вопроса. Это не входило в его обязанности. Его обязанностью было подписывать списки. Что происходило потом — его не касалось.

Теперь его это касалось. Теперь там была Клара.

Он встал, стараясь не разбудить жену, и подошёл к окну. Луна висела над крышами — круглая, жёлтая, равнодушная. Он смотрел на неё и думал о том, что Клара видит ту же луну. Она смотрит на неё из-за стены. Может быть, прямо сейчас. Может быть, она тоже не спит.

«Прости», — сказал он одними губами. Звука не было, только движение воздуха. Но ему показалось, что слово обрело вес, форму, плотность. Что оно вылетело в ночь и понеслось на восток, к горам, к стене, к Санитарной зоне.

Он стоял у окна до рассвета. Когда колокол пробил семь, он уже был одет и готов к новому рабочему дню. Но что-то изменилось. Трещина стала чуть шире.

Дни шли. Осень переходила в зиму. Снег выпал рано, в ноябре, и укрыл город белым саваном. Комиссия работала в обычном режиме. Мартин подписывал бумаги, принимал посетителей, заседал в совете. Он был образцовым чиновником. Никто не мог упрекнуть его в нелояльности. Даже секретарь с кадыком перестал следить за ним так пристально.

Но внутри Мартина росло что-то новое. Не мысль. Не чувство. Скорее — потребность. Потребность узнать. Увидеть. Убедиться. Он должен был узнать, что находится за стеной. Что стало с Кларой. Что стало с тысячами людей, которых он отправил туда. Не из чувства вины — вина была слишком простым словом. Из чего-то более глубокого. Из потребности в истине. В той истине, которую он двадцать лет закапывал под горами бумаг, под тоннами воска, под слоями чернил.

Он начал собирать информацию. Осторожно. По крупицам. Он знал, что прямые запросы в архив Санитарной зоны невозможны — это вызвало бы подозрения. Но были обходные пути. Отчёты о поставках продовольствия. Сметы на ремонт стены. Доклады караульных о происшествиях на границе. Всё это проходило через его руки. Он начал читать эти документы внимательнее, чем раньше.

Из отчётов следовало, что стена исправна, караулы несут службу, продовольствие поставляется по графику. Но были и странности. Например, запросы из Зоны на поставки. Сначала они были стандартными: зерно, вода, лекарства. Потом они изменились. Вместо зерна Зона запрашивала семена. Вместо лекарств — медицинские инструменты. Вместо воды — трубы для водопровода. Они не просили еды. Они просили средства производства.

Мартин понимал, что это значит. Зона не просто выживала. Зона развивалась. Строилась. Создавала что-то. Но что? Он не мог представить. Официальные отчёты описывали Зону как место «временного содержания нестандартных элементов». Никакой информации о внутренней жизни не было. Как будто за стеной была пустота.

Однажды он нашёл в архиве старый документ. Это был рапорт одного из первых начальников Санитарной зоны, написанный двадцать пять лет назад. Рапорт был потрёпанным, с выцветшими чернилами, но Мартин разобрал текст. «Поселенцы проявляют неожидан-

ную организованность. Создают структуры самоуправления. Рекомендую усилить надзор». К рапорту была приложена резолюция короля: «Оставить как есть. Пусть управляются сами. Меньше хлопот».

Мартин перечитал резолюцию трижды. Значит, король знал. Знал, что в Зоне есть самоуправление. И ему было всё равно. Лишь бы они не мешали чистоте королевства. Лишь бы сидели за стеной и не высывались.

Он спрятал рапорт обратно в архив и долго сидел, глядя на стену. В его голове складывалась картина — совсем не та, которую рисовала официальная пропаганда. Санитарная зона не была адом. Она была чем-то другим. Чем-то, что король предпочёл игнорировать. Или боялся признать.

Прошла зима. Наступила весна. Снег сошёл, улицы наполнились журчанием ручьёв и запахом мокрой земли. Мартин продолжал работать. Он был всё так же безупречен. Но внутри он уже принял решение.

Он должен попасть в Зону.

Это было безумие. Он знал, чем рискует. Если его поймают — его сошлют туда же. Или казнят. Или и то, и другое. Но он не мог больше ждать. Не мог сидеть в своём кабинете и делать вид, что всё в порядке. Камень, упавший в колодезь, всё летел. И дна всё не было.

Он начал готовиться. Это заняло несколько месяцев. Ему нужен был пропуск в Зону — официальный документ, который позволил бы ему пройти через ворота и вернуться обратно. Такие пропуска выдавались только инспекторам Санитарной комиссии, которые раз в год проверяли состояние стены. Инспекция была формальностью — они не заходили внутрь, только осматривали укрепления с внешней стороны. Но пропуск давал право прохода через ворота.

Мартин был главным архивариусом. Он имел доступ к бланкам. Ему потребовалось три недели, чтобы изготовить поддельный пропуск. Он использовал старые печати, которые хранились в архиве, и подделал подпись председателя — это было самым трудным. Кестлер подписывал бумаги с характерным нажимом, и Мартину пришлось тренироваться на черновиках, прежде чем получилось похоже.

Когда пропуск был готов, он спрятал его в подкладку мундира и стал ждать подходящего момента. Момент наступил в конце мая, когда председатель Кестлер уехал в столицу на ежегодный совет при короле. В отсутствие Кестлера Мартин оставался старшим в Комиссии. Он мог распоряжаться своим временем свободнее.

Он объявил, что берёт отпуск на три дня — по семейным обстоятельствам. Никто не удивился. За двадцать лет он не брал отпусков ни разу. Он заслужил.

В пятницу вечером он попрощался с женой, сказал, что едет на воды — старые боли в спине, нужно подлечиться. Она поверила. Или сделала вид, что поверила. Он поцеловал её и вышел из дома.

На улице было тепло. Весенний ветер пах сиренью. Город жил своей обычной жизнью, не подозревая, что главный архивариус Санитарной комиссии собирается совершить преступление. Мартин шёл по улице Красных Фонарей, и фонари зажигались у него над головой — один за другим, как будто указывая путь. Путь на восток. К стене. К Санитарной зоне.

Он вышел из города через Восточные ворота. Стражники узнали его, отдали честь. Он ответил кивком и пошёл по дороге, той самой, по которой год назад ушла колонна. Пыль поднималась из-под сапог. Солнце садилось за спиной, окрашивая небо в оранжевый.

Он шёл всю ночь. Дорога была пустынной — только раз ему встретился крестьянский обоз, и он отошёл на обочину, чтобы его не заметили. Звёзды горели ярко, луна освещала путь. Он шёл и думал о Кларе. О том, что скажет ей, когда увидит. Если увидит.

К рассвету он достиг холма, с которого открывался вид на долину. И остановился.

Внизу, за стеной, была Санитарная зона. Но она не была похожа на то, что он ожидал увидеть. Из-за стены поднимались дымы — не один, не два, а десятки. Ровные, прямые, как из

заводских труб. Над стеной виднелись крыши домов — не бараков, а домов, с черепичными кровлями и печными трубами. Где-то далеко, у самого горизонта, блестела полоска воды — может быть, река, а может быть, оросительный канал.

Он стоял и смотрел. И в груди у него росло чувство, которому он не мог найти названия. Это был не страх. Не стыд. Не радость. Это было изумление. Изумление человека, который всю жизнь верил, что земля плоская, и вдруг увидел, что она круглая.

Он достал из-под мундира поддельный пропуск и пошёл вниз, к воротам.

То, что скрывает стена

Ворота были ближе, чем казалось с холма. Мартин спускался по каменистой тропе около часа, и с каждым шагом стена вырастала перед ним, заслоняя небо. Она была выше, чем он помнил по чертежам. Чертежи говорили о двенадцати метрах, но вблизи она казалась вдвое выше. Серые каменные блоки, подогнанные друг к другу с точностью, которая была недоступна обычным каменщикам — Мартин знал, что стену строили военные инженеры ещё при старом короле. Наверху, через равные промежутки, темнели сторожевые вышки. На одной из них он заметил движение — часовой переложил алебарду с одного плеча на другое.

У ворот его остановили. Двое караульных в чёрных кирасах, с белыми повязками на руках. Старший — коренастый мужчина с седыми усами и шрамом через левую бровь — вышел вперёд и потребовал документы. Мартин протянул пропуск, стараясь, чтобы рука не дрожала. Караульный взял бумагу, поднёс близко к глазам — он был дальнозорким, шурился, шевелил губами, читая по слогам.

— Инспекция стены, — прочитал он вслух. — Архивариус Линд. Что-то рано в этом году. Обычно инспекция в августе.

— Внеплановая проверка, — сказал Мартин. Голос прозвучал ровно, даже сухо. — Приказ из столицы. В связи с весенними дождями есть опасения за прочность северного участка.

Караульный хмыкнул, но пропуск вернул. Печать была настоящей, подпись Кестлера выглядела убедительно. Он махнул рукой напарнику, и тот начал открывать ворота. Механизм заскрежетал — старые шестерни, смазанные, но всё равно шумные. Створка приоткрылась ровно настолько, чтобы мог пройти один человек.

— Обратно когда? — спросил караульный.

— К вечеру, — сказал Мартин. — Если задержусь — не беспокойтесь. У меня с собой сухой паёк.

Караульный снова хмыкнул. Ему было всё равно. Инспекторы приезжали и уезжали, и никто из них никогда не интересовался тем, что происходит внутри Зоны. Их интересовали только камни и раствор.

Мартин шагнул в проём. Ворота закрылись за ним с тем же скрежетом. Он оказался внутри.

Первое, что он почувствовал — запах. Он ожидал смрада, гниения, смерти. Но пахло деревом, дымом, свежей землёй. Пахло жизнью. Второе, что он увидел — дорога. Она была не такой, как снаружи. Снаружи дорога была пыльной, разбитой, с колеями от телег. Здесь дорога была вымощена камнем. Неровно, кустарно, но вымощена. По бокам дороги были проложены водоотводные каналы, обложенные булыжником.

Он пошёл по дороге. Вокруг было тихо — не мёртвой тишиной, а тишиной раннего утра, когда все ещё спят или только начинают просыпаться. Где-то вдалеке запел петух. Обычный деревенский звук. Мартин остановился и прислушался. Петух пропел ещё раз, и ему ответил другой, дальше по долине. Значит, здесь держали кур. Значит, здесь была нормальная жизнь.

Дорога вела вглубь долины. Стена осталась позади, и теперь Мартин мог видеть то, что с холма только угадывал. Долина была большой — гораздо больше, чем он представлял по картам. На картах Санитарная зона обозначалась как узкая полоса между двумя горными хребтами. На деле же она расширялась к востоку, и горы расступались, образуя плодородную равнину. Река, которую он заметил с холма, текла посередине долины, и вдоль её берегов зеленели поля. На полях работали люди. Они были слишком далеко, чтобы разглядеть лица, но Мартин видел, как они двигаются — размеренно, без суеты, как двигаются люди, которые знают своё дело.

Он шёл дальше. Дорога привела его к посёлку. Это был не лагерь. Не бараки. Не трущобы. Это был настоящий посёлок — с улицами, с домами, с палисадниками. Дома были разными: одни сложены из камня, другие из дерева, третьи из глины, смешанной с соломой. Но все они были крепкими, с крышами, с окнами, с дверями. На некоторых окнах висели занавески. У одного дома на лавочке сидела старуха и вязала. Она подняла голову, посмотрела на Мартина и снова опустила — он был в штатском, она не видела в нём угрозы. Или просто здесь не принято было бояться незнакомцев.

Мартин шёл по улице. Сердце колотилось где-то в горле. Он ожидал увидеть ад. Он увидел деревню. Не богатую, не процветающую, но живую. Настоящую.

На перекрёстке он остановился. Здесь стоял столб с указателями. «Школа» — было написано на одной дощечке, и стрелка показывала налево. «Больница» — на другой, направо. «Совет» — прямо. «Библиотека» — налево и вверх по холму. Буквы были вырезаны аккуратно, покрашены белой краской. Мартин потрогал дощечку пальцем. Дерево было гладким, отшлифованным. Это делал человек, который заботился о своём деле.

Он выбрал направление «Библиотека». Не потому, что хотел читать. А потому, что библиотека означала книги, книги означали знания, а знания означали людей, которые умеют думать. С такими людьми он мог поговорить.

Библиотека оказалась большим зданием на вершине холма. Оно было построено из серого камня, но в отличие от мрачных зданий Комиссии, это выглядело светло и приветливо. Над входом висела вывеска: «Читальня имени Агнессы Ройтер». Мартин вздрогнул. Ройтер — это была фамилия семьи, которую он подписал год назад. Их дочь отказалась выйти замуж за назначенного жениха. Значит, они здесь. Значит, Агнесса — та самая дочь. Именем живой девушки назвали библиотеку. Значит, она здесь что-то значит.

Он вошёл. Внутри пахло книгами — той самой смесью бумажной пыли, клея и времени, которую он так хорошо знал по архиву. Зал был просторным, с высокими окнами, с деревянными стеллажами, уходящими под потолок. За столом у входа сидела девушка. У неё были рыжие волосы, собранные в пучок, и веснушки на носу. Она подняла голову и улыбнулась. Улыбка была открытой, спокойной. Так улыбаются люди, которые не ждут от незнакомца удара.

— Доброе утро, — сказала она. — Вы новенький? Я вас раньше не видела.

— Я да, — сказал Мартин. — Я недавно прибыл.

— Из последней партии? Майской?

— Да. Майской.

— Что-то вы поздно. Майская партия пришла два месяца назад. Вы где были всё это время?

— Болел, — сказал Мартин. — В лазарете лежал.

Это было правдоподобно. Многие новоприбывшие болели после дороги. Девушка кивнула.

— Меня зовут Агнесса, — сказала она. — Я здесь библиотекарем. Вернее, я и есть библиотекарь. Единственный. Хотите записаться? Или просто почитать?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.